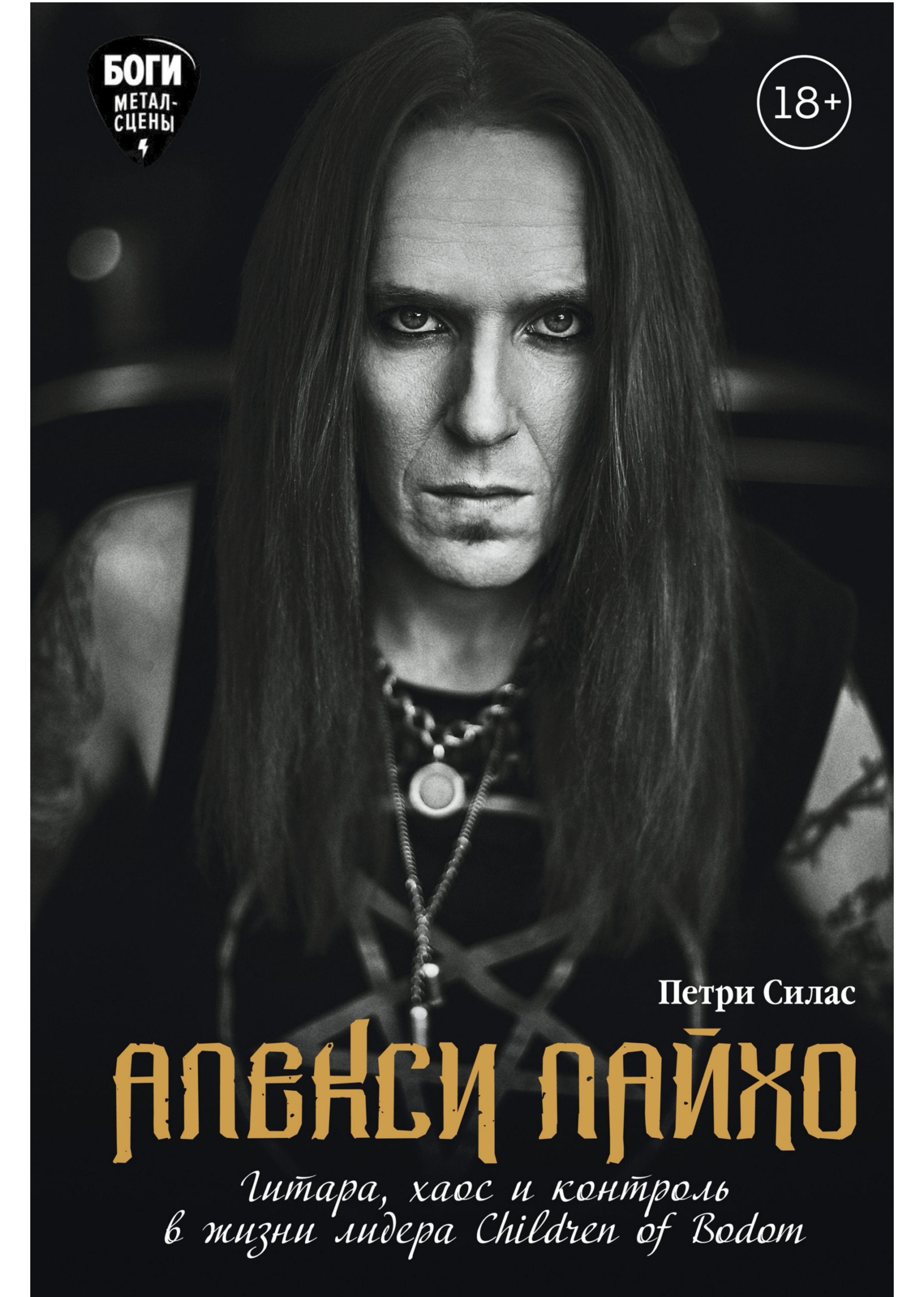

БОГИ
МЕТАЛ-
СЦЕНЫ
18+
Петри Силас
АЛЕКСИ ЛАЙХО
Гитара, хаос и контроль
в жизни лидера Children of Bodom

Боги метал-сцены

Петри Силас

Алекси Лайхо. Гитара, хаос и контроль в жизни лидера Children of Bodom

«Эксмо»
2019

УДК 785:929(480)
ББК 85.318(3)-8

Силас П.

Алекси Лайхо. Гитара, хаос и контроль в жизни лидера Children of Bodom / П. Силас — «Эксмо», 2019 — (Боги метал-сцены)

ISBN 978-5-04-172788-8

«Когда панковское отношение к жизни сочетается с восхитительной техникой исполнения, начинаются великие истории». Петри Силас История лидера финской метал-группы Children of Bodom Алекси Лайхо – это изматывающие репетиции и еще более изматывающие вечеринки, тяжелый рок, травма, чуть не стоившие ему карьеры, американские автомобили и невероятные работа и талант, прославлявшие его далеко за пределами родной страны. Один из самых быстрых и виртуозных гитаристов мира внезапно покинул этот мир в 41 год из-за серьезных проблем со здоровьем, но его игра по-прежнему удивляет и поражает своей техничностью и накалом. В этой книге звучит голос Алекси Лайхо, такой же бескомпромиссный и резкий, как и его гитара. Он предстает перед читателями не только в роли потрясающего исполнителя и гениального творца, но прежде всего человеком, полным страстей, сомнений и поисков. Потрясающая дань памяти одной из главных звезд современной метал-сцены. Петри Силас пишет о музыке в журналах и научных изданиях на финском и английском языках на протяжении 25 лет. Он также перевел несколько музыкальных книг на финский язык. Редакция благодарит всех поклонников творчества Children of Bodom и особенно сообщество Wind From Lake Bodom, а также сайт metbash.ru за помощь в подготовке книги и бесценный вклад в то, чтобы она появилась на русском языке. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 785:929(480)
ББК 85.318(3)-8

ISBN 978-5-04-172788-8

Содержание

Глава первая 7
Глава вторая 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Петри Силас
Алекси Лайхо. Гитара, хаос и контроль в жизни лидера Children of Bodom

…это – повесть,
Рассказанная дураком, где много
И шума и страстей, но…
У. Шекспир, перевод М. Лозинского

ALEXI LAIHO: KITARA, KAAOS & KONTROLLI
Petri Silas

* * *

Мне было 19 лет, когда мы впервые приехали в Россию. Мы с группой примчались на поезде, чтобы выступить в Санкт-Петербурге, черт возьми. Это был настоящий панк! Прямо во время саундчека фанаты ко всем чертям выбили входную дверь и ворвались в зал. Наверное, думали, что концерт уже начался. У нас там, конечно, была охрана. Вылитые мафиози – прямо клише, вырванные из фильмов. Оружие в кобурах, пустой взгляд и никакого знания языков. И я имею в виду не только английский. Я вообще не слышал, чтобы эти гориллы хоть с кем-то разговаривали. А по углам тогда тусовались не менее стереотипные «золотые цепи» и «спортивные костюмы». Они курили какую-то махорку и трепались между собой по-русски. Дилеры и мошенники, как мне тогда показалось.

Глава первая

в которой Алекси, будучи родом из Лапландии и Похьянмаа, очарован песней „Money for Nothing“ группы Dire Straits, а во время летних каникул он вместе со своей сестрой Анной и двоюродными братьями ищет приключений в заброшенных домах. Во время отдыха у бабушки в Соданкюля в руках у Алекси оказывается пчелиное гнездо, а дома в Эспоо из комнаты сестры до его ушей доносится звучание дебютного альбома W.A.S.P.

В возрасте пяти лет Лайхо чуть не тонет, но вскоре учится плавать и кататься на велосипеде. Читать он начинает в компании всемирно известного героя – кролика, книги о котором написала Пиркко Коскимиес. Школа же в это время не вызывает особого интереса. Но что же за чудо этот «криик-кроок»?

Свой первый крик я издал 8 апреля 1979 года в больнице Йорви, а вырос я в Эспоо. Когда я был еще совсем маленьким, наша семья несколько раз переезжала из одного района в другой. Я считаю себя выходцем из Манккаа, хотя первые годы жизни провел в трехэтажном таунхаусе где-то в другом месте. Но, так или иначе, начиная с лета 1986 года я достаточно долгое время жил в Манккаа. Мы поселились там незадолго до того, как я пошел в школу. Моя сестра Анна тогда была уже в четвертом классе. В нашем частном двухэтажном доме я жил до тех пор, пока не съехал оттуда, как и Анна несколькими годами ранее. Один из моих двоюродных братьев работает учителем музыки, но те Лайхо, которых вы можете увидеть по телевизору, не являются моими родственниками.

Мое полное имя – Маркку Уула Алекси Лайхо, так как родители решили дать мне имена моих дедушек, или хотя бы их версии. Меня никогда не называли Маркку или Макке, всегда – только Алекси. И дома тоже. Я планирую официально поменять имя, потому что на пограничном контроле постоянно происходит одно и то же: «Маркку? Кто Марк?». Жизнь станет проще, когда я позабочусь о том, чтобы в паспорте было указано имя Алекси. Этот вопрос я уже обсуждал с родителями, и это не имеет для них особого значения. Отец недавно даже сам поднял эту тему.

Из-за этой цепочки имен заполнение всевозможных документов иногда даже кажется забавным. Несколько раз бывало, что работник из-за стойки вызывал Маркку, а я не сразу соображал, что обращаются ко мне!

Родители вполне убедительно объяснили мне, что именно в такой последовательности три моих имени создают хороший ритмический рисунок: дад-да дад-да дадда-да, но у меня это не вызывает ничего, кроме головной боли. К тому же мне кажется глупым тот факт, что в череде имен моих дедушек я стою всего лишь третьим. У моей старшей сестры тоже три имени, данных по той же логике и звучащих в похожем ритме, но так как ее собственное имя, Анна, стоит самым первым, никакой путаницы не возникло.

А также в этой истории есть еще одна деталь: дедушку по отцовской линии никогда не звали Маркку, и на самом деле это даже не было его именем. Он умер до моего рождения, так что мы с ним никогда не встречались, но его всегда называли МГ – сокращение от Маркуса-Габриэла. Девичья фамилия моей мамы – Энквист, и унаследованное от нее имя Уула тоже немного изменено, потому что имя ее отца пишется как Ола. Такова история моих имен.

Музыка впервые заинтересовала меня, наверное, лет в шесть. Папа тогда через стереосистему завел песню группы Dire Straits „Money for Nothing“. Я до сих пор помню тот момент и все нахлынувшие на меня ощущения. Меня совершенно загипнотизировало звучание гитары Марка Нопфлера, я был в восторге и от дебютной пластинки, *Dire Straits* (1978), и от следующей, *Making Movies* (1980), но альбом *Brothers in Arms* (1975) – это был просто взрыв мозга. В следующий раз такое же абсолютное восхищение настигло меня в десятилетнем возрасте, когда Анна слушала группу Dingo. Благодаря ей я чуть позже познакомился с Kiss,

W.A.S.P. и другими группами с ярким мейкапом. Я тогда перенял их манеру поведения и внешний вид и вскоре привык к тому, что на меня смотрят немного косо. Также меня в том возрасте крайне заинтересовал калифорнийский гангстерский хип-хоп. Одно время я часто слушал сольные проекты N.W.A. и Easy E.

Подводка, лак для ногтей и волосы, свешивающиеся на глаза, тогда были для меня своего рода маской, и уже в младших классах я стал крайне асоциальным. Ну, или, прямо скажем, тем еще мудаком. И в более старших классах ситуация не изменилась к лучшему. Например, на уроках рисования я мог испортить рисунки тех, кто меня раздражал. Правда, я всегда на этом попадался, потому что по своей глупости на всех размалеванных работах черным фломастером подписывался как „Allu'93“. В результате то, что меня оставляли после уроков и постоянно проводили воспитательные беседы, стало уже привычным делом.

Мой папа Хейкки родом из Лапландии, а мама Кристиина из Остроботнии, так что летние каникулы, а иногда какую-то их часть, мы проводили или у бабушки в Соданкюля, или на родине моей мамы в Хаапавеси, у родственников с ее стороны. Семья моей тети жила по соседству с бабушкой, и там часто можно было увидеться с двоюродными братьями и сестрами – это было классно. Одна из сестер, Каролиина, была нашего с Анной возраста, так что мы много времени проводили втроем. У меня осталось много хороших воспоминаний: мы бегали по лесу, лазали по деревьям, выкапывали червячков. Обычные детские забавы. И наши домашние животные всегда были рядом. У нас жили шотландский терьер Аполло, немецкая овчарка по имени Мидас и кошка Сиири.

Мне особенно запомнилось то, что нас как магнитом притягивали к себе заброшенные здания, в которых было очень интересно играть. Это казалось невероятно захватывающим и, разумеется, было совершенно запретно, что лишь добавляло очарования этим местам. До сих пор, когда я вижу заброшенное здание, перспектива забраться в него и обследовать кажется мне соблазнительной. Я то ли потому так люблю фильмы ужасов, что обожаю заброшенные дома, то ли наоборот. И если кто-то сейчас задается вопросом, имеет ли к этому отношение еще и песня группы Dingo „Autiotalo“ («Заброшенный дом» – *Прим. пер.*), тут я не могу сказать наверняка. Но она вышла как раз в то время.

Родители нас пугали, что в одном из этих заброшенных домов собираются наркоманы, но мы, насколько я помню, скорее обрадовались этой информации. Нам было настолько любопытно, что запугать нас, пусть даже с целью защиты, не получилось. Никаких наркоманов мы ни разу там не видели, однако несколько лет спустя в одной из заброшенных лачуг была найдена целая куча старых рецептов на препараты. Похоже, в тех историях было зерно правды.

В Кеуруу у нас, у детей, был собственный домик, и однажды летом мы увлеклись тем, что ловили сачком бабочек и всяких других летающих насекомых. В итоге кто-то поймал пару маленьких птичек и принес их в наш дом, чтобы они и там полетали. Обычно родители следили за нами не так пристально, но с этой проделкой мы все-таки попались. У взрослых наша идея не вызвала никакого восторга, так что этот проект быстро пришлось прикрыть. Оно и к лучшему.

По ночам, конечно же, нужно было спать, но это не особо нас удерживало. Мы дожидались момента, когда родители окажутся в мире сновидений, и около часа ночи тайком отправлялись на поиски приключений с карманными фонариками в руках. Мы придумывали истории о привидениях, чтобы напугать друг друга: будто в том подозрительном доме или вон на том каменистом берегу произошло что-то ужасное, ну и всё в таком духе.

* * *

Про убийства на озере Бодом я впервые услышал в начальной школе Манккаа летом после окончания первого класса. Мама одного моего одноклассника отвезла нас на пляж Ойттаа, где были большие водные горки. Я помню, что именно в той поездке я впервые осознанно

услышал эту историю, но уже тогда в ней звучало что-то знакомое. Впрочем, может быть, об этом уже говорили дома или где-то еще.

В Эспоо, конечно же, все знали об этом происшествии, но остальной мир к тому времени о нем уже практически забыл. От нашего дома до места убийства было примерно 15–20 километров, так что на этот мыс мы заглядывали нечасто. Особенно потому, что Эспоо в те времена был очень хаотично застроен. Торговый комплекс в центре и домики тут и там. На самом деле он примерно таким же и остался, только застройка стала чуть плотнее.

Эта **история с озером Бодом снова вспыхнула у меня в памяти, когда я увлекся фильмами ужасов. Не нужно обладать запредельной силой воображения, чтобы соотнести с произошедшими событиями серию фильмов *«Пятница 13-е»* с Джейсоном Вурхизом, стоящим на берегу озера с ножом в руке**. И эта местная легенда довольно сильно повлияла на нас в плане творчества. Альбом Children of Bodom *Hexed* 2019 года открыла песня „Confessions“ (рабочее название композиции „Under Grass and Clover“, которая была первым синглом альбома, – *прим. пер.*), и эта композиция – наша интерпретация того, что происходит в сознании убийцы с озера Бодом.

В детстве с нами ничего страшного не приключалось. Только однажды сестра с такой скоростью бежала со скалы, что не удержала равновесие и упала, да так, что на лбу у нее была здоровенная рана и всё лицо заливала кровь. Но ничего серьезнее этого не происходило. Конечно же, у нас все ноги были покрыты синяками, а руки – царапинами, когда наша семья возвращалась в Эспоо перед началом учебного года.

Но и тогда мы постоянно носились туда-сюда, поднимая тучи пыли, и вечно что-то затевали. Только вернувшись домой, мы бежали на ближайшую стройку и воровали листы пенопласта и грузовые поддоны, из которых сооружали плоты. Мы плавали на них по ближайшим ручьям. Или это были небольшие речки… Закончиться это могло чем угодно, ведь в плавания на этих самодельных плотах мы отправлялись даже в ноябре. Вода в то время была уже чертовски холодной, а течение в некоторых местах – достаточно сильным.

Так что стройка была для нас просто отличнейшим местом. Там можно было найти множество интересных вещей, особенно если прийти туда поздней ночью.

Единственный действительно печальный случай произошел с нами в Лапландии. Однажды мы с сестрой гуляли по лесу и нашли упавший скворечник, который я, не раздумывая, тут же схватил руками. А внутри оказалось пчелиное гнездо. Черт возьми, как же эти пчелы разозлились! Мы, крича, изо всех сил побежали к бабушке, которая пришла в ужас от вида плачущих ребятишек. Наших родителей тогда не было рядом, но бабушке все же удалось нас как-то успокоить. Скорее всего, она приготовила нам жареные сосиски или еще что-нибудь вкусненькое.

У каждого было по полдюжины укусов по всему телу, и я никогда еще не чувствовал себя так плохо. Кажется, мне тогда было пять лет. К счастью, у нас не оказалось аллергии на пчелиные укусы, а то всё могло бы обернуться бедой, и пришлось бы ехать в больницу.

Плавать я научился в Кеуруу. Скорее всего, это произошло тем же самым летом… Да, кажется, мне тогда как раз лет пять было. До этого я один раз чуть не утонул. У мостков было довольно мелко, но в одном месте внезапно поджидала опасная впадина. И я, естественно, угодил в нее. Нас много раз об этом предупреждали, и даже табличка на мостках была, но это не помогло. И я ушел под воду.

* * *

Я до сих пор отчетливо помню, как совершенно оцепенел и просто смотрел наверх, медленно погружаясь на дно. Я абсолютно ничего не мог сделать. К счастью, мой старший двоюродный брат Мису заметил, что что-то не так, прямо в одежде прыгнул в воду и спас меня. Я

тогда был очень близок к смерти. В первый, но точно не в последний раз. Так или иначе, это происшествие не оставило никаких травм. Я не переставал играть в воде, а вскоре научился плавать.

Следующим летом другой мой двоюродный брат уже учил меня красиво нырять с мостков вниз головой. И всё время твердил, что сперва нужно убедиться – нет ли в воде каких-нибудь затопленных бревен или чего-то еще. Нас старательно пытались этим запугать, и на то были причины. Иногда ребята получали серьезные травмы, ныряя даже в знакомых местах.

Кататься на велосипеде я начал в Манккаа, на дорожке перед домом. Думаю, что мне тогда было года четыре. Почему-то я учился кататься на велосипеде сестры, хотя по размеру он был больше моего. Анна, конечно, уже давно ездила без вспомогательных колесиков, и совершенно неожиданно и у меня тоже начало получаться. Вскоре я уже всюду гонял на своем велике. Во всю мощь! Тем же или следующим летом я получил свой первый велосипед BMX.

У нас дома было заведено так: мы, дети, получим то, о чем просим, но для этого нужно будет потрудиться. И позже я был чертовски за это благодарен. Я думаю, что мое добросовестное отношение к труду появилось именно благодаря этому домашнему правилу. Хотя в то время меня это, конечно, раздражало, и я завидовал ребятам, жившим по соседству, – мне казалось, что они получают всё будто автоматически, без каких-либо усилий. А нам приходилось мыть папину машину или помогать бабушке – таскать дрова у ее дома из точки А в точку Б. В общем, тем летом я захотел велосипед BMX, а сестра – аудиоплеер Walkman, и ради них мы работали особенно усердно. Я уже вовсю мечтал о том, как начну кататься, а сестра хотела скорее начать пользоваться новейшим изобретением 1980-х годов – плеером. Я же увлекся этой темой чуть позже, и в начальной школе тоже выпросил себе Walkman.

Свой первый скейтборд я получил в семь лет. В то время велосипед был очень важным средством передвижения, потому что в Эспоо, по сути, не было ничего, кроме леса. От нашего дома до ближайшего магазина было примерно пять километров, и как раз там на улице я увидел, что местные ребята постарше «рассекают» на чем-то странном. Я спросил у отца, что это за штука такая.

«Скейтборд», – ответил папа. Я даже произнести это слово толком не смог, и в моих устах оно прозвучало как «криик-кроок». С того дня я начал настойчиво упрашивать родителей купить мне его. Но когда они, в конце концов, приобрели доску, мне пришлось пойти на компромисс, что вместе с криик-крооком они купят шлем и другие защитные приспособления. И я должен был пообещать, что буду кататься только в них. Примерно тогда же я посмотрел фильм *«Назад в будущее»* (1985), который сильно повлиял на мое увлечение скейтбордингом, и некоторое время я был просто одержим всем этим.

Летом мы иногда приезжали в гости к папиному другу и однокурснику в Хаапаярви, и его сын Антти как-то подарил мне свою старую доску. Моя была дешевой, купленной в супермаркете, а это был настоящий скейт фирмы Powell! И на какое-то время Антти стал для меня настоящим героем, потому что он начал кататься раньше меня и даже знал некоторые трюки. А еще он показал мне фильм под названием *«Столкновение»* (1986), который я с тех пор пересматривал… даже не знаю, сколько раз. В нем же я впервые наткнулся на творчество группы Red Hot Chili Peppers. Потом и у меня начали получаться кое-какие трюки. Мне также пришлось купить зеркальные очки и гель для волос, потому что я хотел походить на моего кумира из Хаапаярви, который был меня на два года старше. Неплохо было бы встретиться с Антти сейчас, когда мы оба повзрослели, но его не стало года три назад.

И вот как раз в то время начались мои первые стычки и борьба с сестрой. Когда мы были маленькие, Анна, которая на несколько лет старше меня, всегда вставала на мою защиту. Но незадолго до начала занятий в школе уже я начал мериться с ней силами.

В детстве мы действительно всё время проводили вместе, но в подростковом возрасте у каждого начал формироваться свой круг друзей. Наши отношения постепенно ухудшались, пока мы окончательно не заебали друг друга.

Я вообще не верю в гороскопы, но при желании из них можно почерпнуть какую-то общую информацию о чертах характера. Я по гороскопу Овен, а Анна – Телец. Так что оба знака из сектора самых упрямых. И ссорились мы как самые настоящие психи. В подростковом возрасте мы с ней были совсем не подарок, как друг для друга, так и для окружающих. Когда Анне исполнилось шестнадцать лет, она переехала, и мы с ней некоторое время вообще не общались.

Пока нам не исполнилось пятнадцать, я и Анна должны были соблюдать чертовски строгий комендантский час. Зато потом, достигнув нужного возраста, мы в этом плане обрели абсолютную свободу. Ну, почти. Конечно же, за нами всё так же пристально следили, и, когда мы не возвращались в заранее оговоренное время, нас наказывали.

В нашей семье никогда никого не били, но меня несколько раз отшлепали за какие-то проступки. И за волосы трепали. Но так уж было тогда принято. Вот такой была моя жизнь начала 1980-х годов, и об этом времени у меня не осталось плохих воспоминаний. Детство было самым счастливым периодом моей жизни.

*** * ***

Вся наша семья любила кататься на горных лыжах, и я тоже к ним пристрастился, когда мне было то ли шесть, то ли семь лет. Мы часто бывали на склонах в Швеции и Лапландии. А летом мы обычно колесили по Европе. Наше первое путешествие по Германии, Австрии и Венгрии произошло в 1984 году. Сначала мы плыли через Балтийское море в Травемюнде на древнем пароме Finnjet, а оттуда уже отправились к автомагистрали. В Германии всё казалось таким громадным и величественным. Я сейчас говорю о Западной Германии, потому что в Восточной не было ничего подобного.

Венгрия тогда была еще коммунистической страной, и меня удивляло, когда люди собирались вокруг, чтобы полюбоваться нашей машиной. А ведь это была обычная Audi 100, никакая не достопримечательность. Но у местных жителей в основном были «Лады» или маленькие «Фиаты», и на их фоне наш автомобиль, вероятно, казался красивым и каким-то особенным. Это было забавно.

Я понятия не имею, как это удалось устроить, но примерно неделю мы жили у одной венгерской семьи. У них был большой дом для гостей, где мы и поселились. Один из супругов говорил по-немецки, другой – по-английски, а поскольку наш отец знал оба языка, им удавалось пообщаться. Вообще они достаточно хорошо поладили с нашими родителями, болтали и пили пиво вместе. В семье было два мальчика, которые приглашали нас с Анной поиграть с ними, хотя из-за языкового барьера мы не могли общаться в полной мере. Но в том возрасте это было совершенно не важно.

Кстати, это уже начинает казаться подозрительным, будто 1984 год стал решающей вехой в моей жизни, но я в пять лет еще и читать научился. Перед глазами сразу появляется четкий образ из прошлого, как я сидел вместе с мамой и сестрой на диване, а в руках у меня была книжка про кролика по имени Пупу Тупуна. Мама пыталась понемногу учить меня читать, потому что Анна тогда уже хорошо справлялась с этой задачей. И я помню, как вдруг меня осенило. Это ощущение очень ярко отпечаталось в моей памяти.

В этой книге все слова были разбиты черточками на слоги, и это помогло! Так что «привет» кролику Пупу Тупуна и «ура» черточкам!

И вот с того момента я начал читать автомобильные журналы и комиксы про Дональда Дака. Мы получали такие издания, как «Мир техники», «Мир скорости» и «Ветровое стекло», и вскоре я с головой нырнул в их омут.

Автомобили уже давно стали моей страстью. Даже в раннем возрасте я с восторгом читал про их характеристики и, конечно же, рассматривал картинки в журналах. Когда я стал постарше, я по-прежнему увлеченно читал издание V8-Magazine, и круг замкнулся в тот момент, когда осенью 2008 года в нем появился материал о моих автомобилях. К тому времени я уже дал достаточно много интервью и для Soundi, и для других музыкальных изданий и даже несколько раз побывал на обложках, но статья, посвященная моим машинам, до сих пор кажется мне чем-то особенным.

А вот к мотоциклам я всегда был равнодушен. И водить их мне не хотелось. Мне нравится их рассматривать, а большинство «харлеев», как мне кажется, и выглядят, и звучат по-настоящему круто, но у меня мотоцикла никогда не будет. Так что в этом увлечении я вдохновения не нашел, хотя, конечно, классно было, когда мои приятели гоняли на своих дьявольски ревущих байках.

*** * ***

В моем детстве американские автомобили были явным признаком статуса, и привлекали они меня как-то по-особенному. В середине 1980-х годов в Финляндию завезли довольно много «американцев», так что их часто можно было увидеть на улицах. И услышать. Звучание двигателя V8 уже тогда производило на меня неизгладимое впечатление. И не стоит недооценивать влияние того факта, что как раз в то время по телевизору начали показывать сериал *«Рыцарь дорог»*. Автомобиль KITT был прекрасен настолько, что Pontiac Firebird мгновенно стал моей страстью, которая поутихла лишь годы спустя, когда я смог купить его.

Сейчас я, наверное, забегу вперед, но, когда я приобрел свою первую машину, я тут же прикрепил на солнцезащитный козырек картинку с Pontiac Firebird. И я каждый день смотрел на эту фотографию с сиденья моего BMW 320 1985 года выпуска, потому что она мотивировала меня заниматься и работать еще усерднее. Я был полон решимости заполучить эту машину. И, поэкономив пару лет, я как-то раз приехал в автосалон на BMW, а уехал на Pontiac. Это было одно из лучших ощущений в моей жизни.

И суть этой истории в том, что даже одна ничтожная фотография может стать мощнейшим мотиватором. Всякий раз, когда я чувствовал себя никчемным или на душе было дерьмово, именно мечта об этой машине заставляла меня двигаться вперед. Это была чистая визуализация. «Черт возьми, если ты стиснешь зубы и не отступишься, то скоро сможешь ездить на такой машине».

В то время я работал на стройке, и там всегда можно было легко подзаработать, выходя в дополнительные смены. У нас был хороший и сговорчивый коллектив. Мы часто менялись сменами прямо на ходу, потому что бригадиру было всё равно, кто будет работать. Главное, чтобы кто-нибудь вообще пришел. Если кто-то из работников в конце рабочей недели хотел серьезно выпить, мне легко было заполучить их безумно ранние смены, которые начинались в пять часов утра. Это был хороший способ заработать побольше деньжат. В общем, в то время моя жизнь была довольно проста. По вечерам я писал песни, которые мы репетировали с группой. А утром уходил на работу, ставил там тенты и шатры или перетаскивал разные стройматериалы с места на место.

А теперь вернемся к тому моменту, когда я впервые по-настоящему сел за руль. Раньше я бывал на месте водителя, лишь сидя на коленях у отца, но когда мне исполнилось десять лет – в 1989 году, – я научился пользоваться сцеплением, переключать передачи и рулить. В

то время у нас был Alfa Romeo 164 с шестицилиндровым V-образным двигателем – не самая дерьмовая тренировочная машина.

Я начал учиться водить в Хаапавеси, там было много грунтовых дорог, свободного места в достатке, никаких деревьев – относительно безопасная территория для тренировок. Если бы я потерял контроль над управлением, то в худшем случае оказался бы на поле Похьянмаа. Мне разрешили ездить на скорости не более сорока километров в час, то есть мне нельзя было переключаться выше третьей передачи. Так я обучался основам вождения и наслаждался этим.

Я могу представить папины страдания, потому что после первой же тренировки я не отходил от него ни на шаг. Каким-то образом ему хватало терпения, и он постоянно сопровождал меня в этих поездках. Пока однажды он не заявил, что теперь я могу сам ездить по дороге перед домом туда и обратно. Путь был достаточно длинный, и я был в полном восторге.

Я не могу толком объяснить свою страсть к вождению, но она идет откуда-то из глубины души. Я всегда внимательно наблюдал за тем, как отец вел машину во время наших путешествий, как он обгонял грузовики или развлекал нас поворотами на ручном тормозе. Я увлеченно читал автомобильные журналы и иногда следил за ралли и Формулой-1.

Уже потом, годы спустя, я и сам поездил на гоночной машине, когда купил себе Porsche 942 1980 года выпуска. Это, несомненно, был хороший автомобиль, хоть и изрядно побитый. Прокладка головки блока цилиндров прогорела сразу же, как только я выехал на дорогу, чтобы протестировать машину. Я починил ее вместе с одним моим другом в свободное от остальных дел время.

В любом случае, по улицам на ней ездить было незаконно, но несколько раз под покровом ночи я немного погонял вокруг нашей репетиционной базы. Как раз там я ее и храню. Так что мой долгосрочный план заключается в том, чтобы привести Porsche в идеальное состояние. На обычных автомобилях тоже можно поднажать в плане скорости, только, естественно, не там, где поблизости могут гулять дети. Нужно прислушиваться к здравому смыслу и гонять где-нибудь по дорогам сельской местности, когда стемнеет.

Я никогда не ездил на раллийной машине и даже никогда не сидел в ней. Говорят, что это впечатляющий опыт. Представьте себе поворот в заносе на скорости 200 километров в час на дороге, покрытой гравием, черт возьми. И по обе стороны трассы, всего в паре метров от тебя, растут огромные сосны.

Профессионализм этих водителей – это что-то невероятное. И в целом ралли всегда интересовали меня куда больше, чем кольцевые гонки. Мне кажется, что дрифтовать на песке куда круче, чем оставлять будто бы математически выверенные линии на асфальте. И меня даже не волнует то, что машины Формулы-1 сейчас больше похожи на космические корабли, чем на автомобили. Да, для финнов это уже давно очень важный вид спорта, но… Мне кажется, это уже какая-то клиника.

Вождение автомобиля для меня – это одна из форм терапии, и скорость при этом – отнюдь не главное. Мне так же приятно не спеша прокатиться летней ночью куда-нибудь в Порвоо или даже немного дальше и насладиться свободой. С друзьями или в полном одиночестве. Наверное, я немного беспокойная душа, потому что даже в детстве мне все время хотелось ездить куда-то на своем велосипеде BMX или на «криик-крооке».

Но вернемся от рекламы автомобилей обратно к хронологии. В 1989 – 91 годах мы проводили лето в Испании. Папино рекламное агентство неплохо пережило кризис, так что на имя своей фирмы он приобрел летний домик недалеко от Фуэнхиролы, который сдавался в аренду. Это было не очень просторное, но действительно классное место. Мы либо летели из Сеутула в Малагу, либо ехали через всю Европу на машине. Мои дедушка с бабушкой перебрались туда чуть раньше, в деревеньку под названием Лос Пакос. По сути, там жили почти одни лишь финны, и даже Каке Ранделин приехал, чтобы выступить там.

Но папу больше всего раздражало как раз то, что в Испании он постоянно натыкался на финнов, поэтому для нашего домика он выбрал место, где по соседству жили три семьи из Норвегии и одна из Швеции. Помню, в детстве я не понимал, почему на Коста-дель-Соль нельзя было встретить соотечественников, но позже мне в полной мере открылся смысл папиного решения.

К тому времени я уже достаточно хорошо катался на скейте, и с этой точки зрения место оказалось просто райским. Было множество возможностей попробовать что-то новое. Я на тот момент уже говорил по-английски и понемногу учил испанский. Летом мы проводили там целых пять недель. Зимой же о поездках дольше, чем на выходные, не могло идти и речи, потому что наши родители работали.

На машине мы объезжали ближайшие деревеньки, а также любовались крепостями, и это было здорово. Однажды мы съездили в Гибралтар, и это место действительно оказалось очень красивым. Мама с папой старались избегать «ловушек» для туристов. И со временем я тоже научился посмеиваться над глупостью групповых путешественников. Несколько раз в самолете мы видели уже ощутимо пьяных людей – они хлопали в ладоши, когда самолет приземлился. Ха-ха.

Глава вторая

в которой будущий гитарный герой обучается игре на фортепиано и скрипке. А также осваивает теорию музыки, владение которой до сих пор считается признаком настоящего музыканта. Мы узнаем про группу его папы, а также про мамины достижения в области классической музыки.

«Реквием» Вольфганга Амадея Моцарта и альбом Стива Вая *Passion & Warfare* производят потрясающее впечатление на ребенка. Алекси получает свою первую электрогитару Tokai Stratocaster и встречается с Яской Раатикайненом, который переезжает из Лаппеэнранты в Эспоо и становится для него самым близким другом, а также будущим барабанщиком Children of Bodom.

Мой папа играл на клавишных, в основном на электрооргане Hammond. У него в Соданкюля была своя группа, которая называлась The Beggars, и он, еще будучи подростком, играл в ней пару лет вплоть до своего совершеннолетия. В их репертуаре были песни The Rolling Stones и The Beatles и другие хиты того времени. Они слушали и разучивали новые песни благодаря радиопередаче «Поп-музыка вчера и сегодня». И схватывать новую информацию им приходилось с лету, так как ни у кого тогда не было записывающего оборудования. Вся группа раз в неделю собиралась у кого-нибудь дома перед радиоприемником и внимала горячим новинкам. Тогда это происходило немного иначе, чем в наше время.

The Beggars выступали на всевозможных школьных вечеринках, и однажды, победив на местном музыкальном конкурсе в Лапландии, они выиграли поездку с концертом в СССР. Было начало 1960-х годов, так что это оказалось шокирующим опытом. Парни из группы привезли свои усилители и другую аппаратуру, но электричество для выступления подавалось через какую-то странную, совершенно нелегальную и к тому же еще и опасную для жизни систему, состоявшую из кабелей и обломков досок. Вот таким был Советский Союз в 1964 году. Группа осталась под большим впечатлением.

В ту поездку папе было 16 лет, и, по его словам, он тогда впервые напился. Я в это не верю, но это неважно. Как бы там ни было, русские напоили весь коллектив до ужасного состояния. Папа рассказывал, что когда они возвращались на поезде в Рованиеми, то безостановочно бегали по очереди в туалет блевать. Звучит знакомо!

В молодости отец решил покинуть Лапландию и уехал учиться в университет Турку, но время от времени возвращался, чтобы поиграть со своими старыми друзьями. В то время, особенно в малонаселенных районах, была распространена следующая практика: приезжие хумппа-звезды (хумппа – жанр финской танцевальной музыки, – *прим. пер.*) выступали солистами в местных коллективах. Это было либо единичное выступление где-нибудь на танцах, либо мини-тур по провинции. Таким образом мой папа даже аккомпанировал самому Олави Вирта.

Мама же с детства играла на пианино и флейте, а также пела в хоре. Она некоторое время была участницей симфонического оркестра, но однажды кто-то из секции медных духовых инструментов под неудачным углом «выстрелил» звуком прямо ей в правое ухо. Этот удар серьезно повредил ей слух, и на какое-то время мама потеряла чувство равновесия. Совсем не безобидная травма. Но она продолжила играть на пианино и по сей день поет в хоре. Примерно до тех пор, пока мне не исполнилось три года, мама была домохозяйкой, а потом устроилась секретаршей в Hewlett Packard.

Сестра начала учиться играть на пианино в пять лет, и у нее чертовски хорошо получалось. Но в подростковом возрасте этот инструмент уже перестал казаться ей настолько крутым, и она забросила занятия. Однако недавно Анна купила себе цифровое пианино и по старой памяти играет на нем невероятно круто.

* * *

Когда мне исполнилось пять лет, я тоже отправился к учительнице музыки. Пожилая, хриплоголосая дама по имени Ама жила неподалеку от нас. Она курила сигареты Dunhill одну за другой, что в то время считалось нормальным явлением. Пепельница всегда стояла на крышке ее рояля, и невыносимый густой сигаретный дым наполнял всю комнату.

В какой-то момент Ама сообщила моим родителям следующее: «Ваш сын – очень музыкальный ребенок, но я думаю, что пианино – это немного не тот инструмент, который ему нужен».

Не знаю, кто и по какой причине тогда остановил свой выбор на скрипке, но в семь лет инструмент, на котором я учился играть, поменяли. И это было прекрасно, потому что музыкой в целом я действительно увлекался, но вот игра на пианино не приносила мне никакого удовольствия.

Я бы, естественно, с большим наслаждением перешел тогда на гитару, потому что после того, как я однажды услышал Марка Нопфлера, мое внимание было приковано именно к гитаристам. Но скрипка, безусловно, была шагом в правильном направлении. Почему-то она казалась мне куда более динамичным инструментом, чем пианино, и я играл на ней до двенадцати лет. Я сейчас, конечно, сам о себе это скажу, но получалось у меня довольно хорошо. Особенно учитывая возраст. Я был очень старательным учеником и закончил три практических класса, а параллельно с ними три класса по классической теории.

Потом я уже перестал слушать классическую музыку, но произведения Моцарта, в принципе, все еще поражают меня. Его «Реквием» совершенно уникален. Поистине гениальное и мрачное произведение. А вот современная камерная музыка мне не очень нравится. Атональность хороша лишь для разового эффекта, но все эти йонаскокконены (Йонас Кокконен – финский композитор, – *прим. пер.*) никогда по-настоящему не впечатляли меня.

Мы с сестрой почти никогда не исполняли музыку вдвоем. Дома было достаточно много места, чтобы я мог заниматься внизу, а Анна – играть на рояле в гостиной. Практические занятия на скрипке, а особенно изучение теории, невероятно пригодились мне в будущем. Я благодарен за то, что я стал заниматься всем этим в очень юном возрасте. Но многое из того, что было связано с музыкальным исполнением, в процессе занятий казалось мне ужасным принуждением. То же самое происходило позже в музыкальной школе Огели, однако я тогда так хорошо выучил все основы, что потом многое удавалось мне с легкостью.

Разумеется, вам не нужна теория для того, чтобы исполнять рок, но, с другой стороны, эта информация чертовски упростит вам работу. Я также твердо убежден в том, что вы должны знать что-то из теории, если в будущем хотите стать серьезным музыкантом. И никто не заставит меня поверить в то, что теоретические знания могут стать помехой для какого-нибудь исполнителя. Да, люди постоянно болтают о том, что парни из The Beatles даже ноты читать не умели – это сплошное бла-бла-бла, ведь никто из нас не Джон Леннон и не Пол Маккартни. Каким-то образом они умели создавать все эти крутые гармонии и по-особенному сочетать аккорды. Продюсеры, конечно, тоже сыграли свою роль в этой истории, но тем не менее. Немногие на такое способны.

Ни один вид спорта меня по-настоящему не привлекал, кроме, пожалуй, горных лыж и скейтбординга. Футбол не нравился мне даже в школе, он казался мне каким-то детским видом спорта. Очевидно, что я говорю сейчас не о профессиональном уровне. Иногда я с друзьями играл в хоккей. Но с мячом и без спортивной защиты, на открытом замерзшем поле в ближайшем парке. Это было круто.

Но в старших классах хоккей я тоже забросил. Когда подростковый возраст хорошенько ударил мне в голову, я совсем забил на уроки физкультуры. Какое-то время наш учитель просто

наблюдал за тем, как я появляюсь у борта хоккейной площадки в ботинках и в кожаной куртке, но это не могло продолжаться бесконечно. И однажды он просто объявил, что Лайхо может пойти на школьный склад поперетаскивать стулья, пока все остальные играют в хоккей.

Было весело играть в баскетбол в спортзале, да и в гандбол тоже. А вот волейбол меня не зацепил. Может, потому, что там приходилось все время стоять на месте. Отец играл в теннис, и в детстве я часто тренировался с ним вместе. Я даже посетил пару базовых занятий. А еще мне удавалась и удается до сих пор игра в бадминтон, несмотря на то, что это невероятно тяжело. Пот лил с меня градом, когда я недавно, после долгого перерыва, снова попробовал поиграть. К концу бадминтонного матча ощущения у меня были как после долгой усердной работы.

Я до сих пор поддерживаю хорошие отношения с одним парнем, который в старших классах был моим лучшим другом. Энди перешел в нашу школу в девятый класс, а я тогда учился в восьмом. На спине его куртки-бомбера была нашивка Guns N' Roses, и я сразу понял, что Энди – крутой чувак. Он был самым настоящим финном, но такое уж ему дали имя. Его семья много лет прожила в Гонконге. Мы с ним тогда сразу стали хорошими друзьями.

Если не считать ребят из группы, то Энди – единственный парень из той школьной эпохи, с кем я до сих пор остаюсь на связи. Если честно, **я не чувствую необходимости искать своих старых школьных друзей где-нибудь на Фейсбуке. Я думаю так: если бы какой-нибудь чувак был мне особенно важен или, наоборот, я бы кому-то понадобился, связь сохранилась бы сама собой.**

* * *

Теперь, когда мое лицо можно увидеть то тут, то там, в барах рядом со мной начали возникать персонажи из прошлого. Однажды ко мне подошел поздороваться бывший сосед из Манккаа. Это был забавный флешбэк. Внезапно передо мной оказался взрослый мужик, с которым мы вместе когда-то играли в песочнице. Крайне странное ощущение – видеть такого здоровяка и притом прекрасно помнить, как он выглядел, когда ему было десять лет.

Это избитая фраза, но моя жизнь переменилась, будто от удара молнии, однажды днем 1990 года. Папа, как обычно, приехал забирать меня из школы, но он не повез меня сразу домой, а направился к музыкальному магазину. Там-то мы и купили гитару Tokai Stratocaster и 50-ваттный комбоусилитель Marshall. Я так долго выпрашивал свою собственную гитару, и вот наконец-то она оказалась у меня в руках.

Родители ничего от меня не требовали, но были очень рады тому, что я сразу воспринял занятия на гитаре как что-то само собой разумеющееся. В глубине души они наверняка лелеяли надежду на то, что я поступлю в школу Огели. Я тогда учился в музыкальном классе, так что их ожидания были вполне естественны.

Конец ознакомительного фрагмента.